

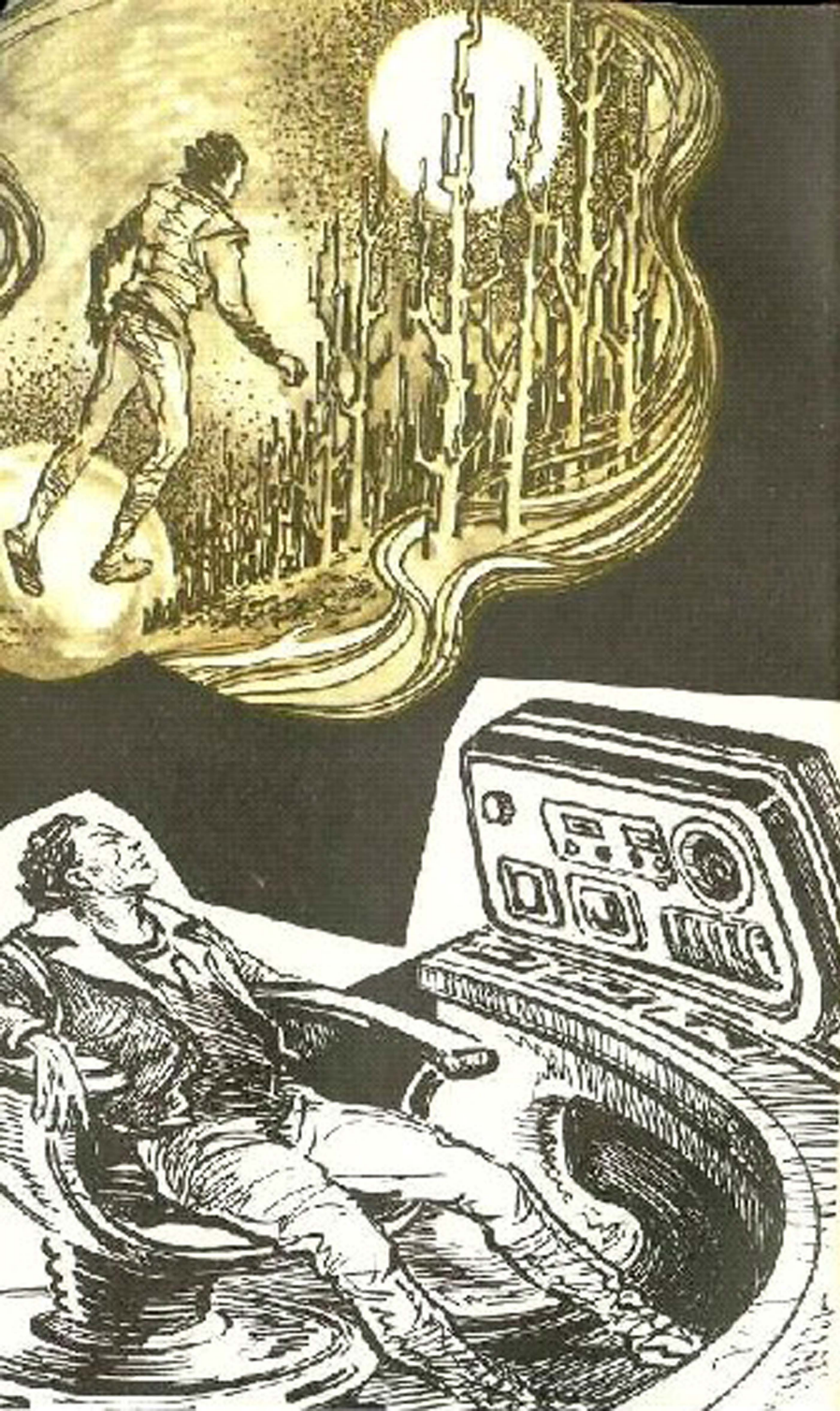
ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

Искатель 5

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1980

Владимир РЫБИН

Фантастический расназ

Официально аппарат назывался так: «Виброгравитрон конструкции инженера Брянова». Но все на звездолете именovali его ласково — «вибрик». Новый аппарат, сконструированный Бряновым уже во время этой межзвездной экспедиции, все чаще использовался вместо «старого, доброго» ракетного планетохода. Слишком велики были преимущества: надежная возможность зависать в точке, полная безопасность. Но, пожалуй, самое главное преимущество было в том, что при посадке и взлете не выжигалась местность. Виброполе, вызывающее в атмосфере ультразвуковую волну, правда, распугивало всех аборигенов, разумных и неразумных, но никому и ничему не приносило вреда...

И на этот раз решено было воспользоваться «вибриком». Огромный межзвездный корабль завис на дальней орбите, делая один оборот в сутки и все время оставаясь над тем районом планеты, который предстояло исследовать, а «вибрик», словно по тросу космического лифта, пошел от него вертикально вниз.

Чужую неведомую планету укутывала ночная мгла. На ночной посадке настоял сам Брянов, утверждая, что это безопаснее. Микробиолог Устьянцев не возражал. И только третий член экипажа — Нина Сулико сказала, что ей жалко обитателей планеты, которых полет виброгравитрона наверняка поднимет от сна. Нина была психологом по профессии, она попала в этот исследовательский рейс по настоянию своих коллег — психологов: у нее недавно умерла дочь — крохотная Сонечка, и Нину нужно было выбить из шока, в котором она пребывала.

Когда виброгравитрон завис в трехстах метрах от поверхности, был включен свет. Чужая планета топорщилась пиками высоких сталагмитов, от каждого из которых во все стороны отходили острые отростки. Переплетаясь, они создавали подобие жесткой паутины, напоминавшей сплошной коралл. Это был лес, живой, растущий и, как показывали анализаторы, полный жизни.

Они отыскивали большую поляну и опустились еще на двести метров, осматривая место посадки. На поляне росла высокая трава, упругая, колышущаяся, и из нее, из этой травы, выпархивали напуганные виброгравитацией то ли птицы, то ли огромные мотыльки.

Брянов дождался, когда поляна опустела, и мягко посадил аппарат на все восемь тонких далеко выдвинутых ног. Свет был выключен, и космолетчики приникли к иллюминаторам. За иллюминаторами была непроглядная неподвижная ночь, и до рассвета оставалось восемь часов.

— Всем спать, — сказал Брянов. — День тут длинный, работы предстоит много.

Они зашторили иллюминаторы, включили электросон, откинули спинки кресел. Но так и не уснули: волновала встреча с чужой планетой, первая встреча за много лет, пока звездолет пересекал безмерные пространства космоса. Звездолет — родной дом тысяч людей, откуда в этот момент следили за «вибриком» сотни глаз и еще больше приборов.

Нине показалось, что она все-таки заснула, потому что, открыв глаза, увидела Брянова стоявшим у входного люка в легком скафандре.

— Давление меньше двух атмосфер, — виноватым тоном сказал Брянов, — состав атмосферы почти как на Земле. Все анализаторы опасности на нулях.

— Командиру не годится нарушать инструкцию, — подал голос Устьянцев.

— Ничего я не нарушаю. — Брянов ответил без раздражения, скорее весело, даже игриво. — Во-первых, в некоторых случаях командиру разрешается покидать корабль по его усмотрению. А во-вторых, командир ты, поскольку я оставляю тебя за себя.

— Тогда я тебе не разрешаю.

— Э-э, погоди. Командиром ты станешь, когда я выйду.

— Тогда, как только ты выйдешь, я прикажу тебе вернуться.

— Э-э, погоди, — растерялся Брянов от такой несокрушимой формальности. — Ты лучше последи за роботом-охранником, чтобы он не отвлекался на пустяки.

Кессонная дверь плотно чмокнула, пропустив Брянова. Послышалось шипение — уравнивалось атмосферное давление. Затем беззвучно опустилась часть обшивки, открыв у самых ног овальный люк. Со звоном выпорхнул складной трап, слабо подсвеченный, упал в траву возле одной из восьми опор.

Трап покачивался и поскрипывал, пока Брянов ступенька за ступенькой спускался по нему. Из другого люка выпал на трапике неровный серебристый шар, крутнулся у основания трапа, придавив траву, развалился на две половинки, мгновенно вывернулся наизнанку и превратился в ошестинившегося антеннами и излучателями робота-охранника.

— Как анализаторы? — спросил Брянов.

— Без изменений, — буркнул над ухом голос Устьянцева.

— Если что, не зевай, командир.

Брянов хохотнул и сам удивился этому, и вспомнил детскую сказку о «планете радости», откуда космонавты будто бы не хотели уходить.

Он стоял в траве по колено, ждал, пока глаза привыкнут к темноте. Потом различил гребенку леса на фоне звездного неба. В лесу время от времени мелькали слабые разноцветные огоньки. Он шагнул в ту сторону, где огоньков было больше, и услышал то ли вздох, то ли стон. Огоньки замелькали чаще и вдруг все разом погасли. Но оранжевый путеводный маячок робота не остановился, не замерцал, и Брянов продолжал идти, чувствуя, как совсем по-земному трется о ноги высокая трава.

— Не увлекайся, — услышал он предостерегающий голос Устьянцева.

— Увлекаться — отличительная черта человека, — добродушно ответил Брянов. Но все же остановился. И робот тоже остановился, только быстрее зашевелил усами-антеннами, изучая пространство. Он мог предугадать все, этот механический охранник: опасное скопление электрических зарядов, напряжение грунта, грозящее землетрясением или обвалом, даже готовность всего живого к нападению. Ведь всякая агрессивность выдает себя изменениями биоэнергетических потенциалов.

Было томительно и захватывающе радостно стоять вот так, одному, на поверхности чужой планеты. Ничего не происходило, но он сам был переполнен ожиданием чуда. Эти ощущения первопроходца Брянов не променял бы ни на какие другие.

И вдруг он услышал смех, самый обычный смех, тихий, вроде бы даже стеснительный. Так смеются девушки, уже властно влекомые таинственной силой возраста, но еще боящиеся признаться самим себе в этом влечении.

Рык зверя, треск разряда, рев стихии не испугал бы Брянова так, как этот еле слышный смех. К страшному он был готов, а вот смех словно бы проник куда-то в самое незащищенное и уже оттуда достал затаенное — чувства. Словно по таинственным взаимосвязям подсознания пришло вдруг предощущение неожиданного, предчувствие чего-то.

— Что случилось? — с беспокойством спросила Нина. — Анализаторы...

— Ничего особенного, — перебил ее Брянов. — Смеется кто-то.

— Что?!

— Хихикают, — с деланной злостью сказал Брянов. Он знал себя, знал, что избавиться от «душевной паники» мог только, если разозлится.

Затем наступила тишина. Брянов прошел еще немного и снова остановился, слушая тишину. Она была какой-то неестественной для большой планеты — ни единого звука, ни ветерка.

А затем эту тишину пронзил еле слышный не то плач, не то стон. Он доносился откуда-то сзади. Брянов оглянулся. Виброгравитрон на своих длинных ногах походил на огромного паука со светящимся брюхом. Стон доносился оттуда, от него.

— Что у вас там? — спросил он.

— У нас ничего, — ответил Устьянцев.

— Плачет кто-то.

— Плачет? Тут появилась какая-то птица. Может, она?

Робот, шевеля излучателями, ринулся к виброгравитрону.

— Стоять! — спокойно приказал Брянов и сам пошел к аппарату, медленно переставляя по траве ноги. Было так заманчиво не спугнуть, увидеть эту птицу, это первое живое существо за многие годы путешествия по мертвой безбрежности космоса.

Вскоре он увидел ее. Птица билась возле одной из опор, то припадая к ней всем телом, то со стоном вскидываясь к слабо освещенному выходному люку. И было в этом ее метании что-то закономерное, логичное.

Подойдя ближе, он рассмотрел ее: птица была большой, с широкими мотыльковыми крыльями. Когда она складывала крылья и вытягивалась возле опоры, то становилась поразительно похожей на пластиковую куклу высотой чуть больше полуметра.

— Послушай, — сказал Брянов Устьянцеву, — подними-ка пятую опору. Кажется, мы ее гнездо придавили.

Птица отскочила, когда дрогнула опора, но не улетела, а продолжала стоять рядом, приподняв крылья и сложив на груди свои лапки-ручки, пристально смотрела, как выползает из грунта длинный блестящий щуп. Потом кинулась к ямке, принялась судорожно копать в ней и вдруг с громким отчаянным криком метнулась к Брянову. Он не успел ни отскочить в сторону, ни даже подумать о необходимости отскочить, как робот сбил ее широким парализующим лучом. Затем робот подкатился к ямке в грунте.

— Гнездо, — как всегда чужим, бесстрастным голосом сказал он. — Пустое гнездо.

— Пустое? — удивился Брянов.

Робот ничего не ответил; он никогда не повторял уже сказанное.

Птица лежала на спине, раскинув крылья. Одно крыло было подвернуто и, как видно, сломано. Наклонившись, Брянов рассмотрел, что это не птица и не бабочка, а некое существо с голой розовой кожей, действительно похожее на куклу, только с крыльями, этакий херувимчик, каких он видел на репро-

дукциях древних земных картин. У нее было нежное личико, напоминавшее лицо ребенка.

— Возьми ее, возьми, — услышал он взволнованный голос Нины.

— Зачем?

— Возьми, — настойчиво повторила она. — У нее крыло сломано, я ее вылечу.

И тут же из люка выпала грузовая платформа. Бряннов осторожно поднял это странное существо, оказавшееся неожиданно легким, положил на платформу. Подождал, пока платформа скроется в люке, и только после этого неторопливо начал подниматься по трапу.

Когда он прошел санобработку и, освободившись от скафандра, шагнул через высокий комингс внутрь аппарата, то увидел, что Нина находится уже в карантинной камере, облачившаяся в скафандр, склонившаяся над распластанной на столе птицей.

— Подумать только, — говорила Нина, — совсем ребенок. Со всем как моя Сонечка...

Она гладила перепончатые крылышки, гладила крохотные ручки и плакала.

Птица открыла глаза, быстро огляделась и вдруг дернулась. Нина удержала ее, ласково прижав к столу, погладила по голове, покрытой каким-то подобием мягкого рыжеватого войлока. Птица глядела вполне осмысленно и слабо испуганно попискивала.

— Отпустите меня! — вдруг сказал робот.

— Что? — удивился Бряннов.

— Не ешьте меня. Я принесу много розовых плодов.

— Что ты болтаешь?!

И тут он вспомнил об этой одной из бесчисленных заложенных в роботе способностей к быстрому лингвистическому анализу. Никогда еще за многие десятилетия экспедиции не представлялась возможность воспользоваться этой способностью. На многих планетах встречались живые существа, но еще никогда разумные.

— Ее что, можно понять?

— Так же, как вас...

В этот момент птица снова стала биться, вырываясь из рук Нины.

— Ты можешь сказать ей, чтобы не боялась нас?

Робот зачирикал с видимым удовольствием. Птица перестала биться, с удивлением уставилась на Нину и закрутила головой, не понимая, откуда исходят звуки. Потом запищала тихо, жалобно, мелодично. Робот помолчал минуту и вдруг засвистел какую-то, как показалось Бряннову, колыбельную песенку. Птица засвистела в свою очередь. Они пересвистывались минуту, другую, третью.

— Ну? — не вытерпел Бряннов.

— Я ей все объяснил, — сказал робот.

— Теперь объясни, пожалуйста, нам.

— Она думает, что мы ухи.

— Кто?

— Точнее сказать, уххи — пожиратели аев.

— Ты можешь объяснить по-человечески?
— Роботы все могут.
— Тогда давай.
— Что именно?
— Рассказывай! — взорвался Брянов. — О чем она говорит?
— Она боится, что мы ее съедем. Уххи, как говорят ззумы, съедают больных аев, и только потому аи живут в радости.
— Кто такие ззумы?
— Жители нор, вроде как слуги. Ззумы делают для аев мягкие норки и баюкают их ласковыми песенками. А в благодарности аи приносят ззумам сладкие розовые плоды с вершин деревьев.

— Спроси, разве мы похожи на этих самых уххов?
Робот зачирикал, птица ответила, и снова они долго объяснялись меж собой, словно подпевая друг другу.

— Никто из аев никогда не видел уххов. Их знают только ззумы, — наконец ответил робот.

Брянов прошелся по мягкому полу, в задумчивости остановился перед иллюминатором, за которым уже разливалась белесая муть рассвета. Сколько мечтали они о контактах с иным разумом! Рисовали картины торжественных встреч на высоких орбитах, полетов над сказочными городами. На всякий случай разрабатывали варианты защиты от возможной агрессивности чужаков. И в этих своих мечтаниях, как видно, недалеко уходили от вымыслов первых фантастов с их «борьбой миров» или любвеобильными «Аэлитами».

Вот и теперь — радоваться бы этой встрече с чужим разумом. Но радости не было. Были недоумение и растерянность, и, несмотря на многочисленные инструкции, предназначенные для подобных случаев, неизвестно было, как поступать. Инструкции запрещают наносить какой-либо вред аборигенам. Но уже при посадке они разрушили гнездо или, если угодно, жилище одного из аев, а затем, по существу, взяли заложника. Птицу, положим, можно сразу же отпустить, поправив ей крыло. Но ведь она разнесет весть о раздавленном гнезде, а это при примитивном общественном разуме, какой, по-видимому, существует у этих разговаривающих птиц, совсем не безопасно. К тому же примитивный разум аборигенов, как считал Брянов, давал ему право не церемониться и использовать заложника для того, чтобы побольше узнать об этом странном сообществе: аи — ззумы — уххи...

— Пусть-ка она поспит, — предложил Устьянцев. — Поспит, успокоится. А мы пока осмотримся. Светает уже.

Монотонный шепот электросна вмиг усыпил птицу. Нина натрез отказалась оставить ее, и Брянов с Устьянцевым вышли из «вибрика» вдвоем. Утренняя заря разрисовывала небо с бесцеремонностью юного художника. Сочные краски переливались одна в другую и как-то странно мерцали, вызывая радостно-беспокойное ощущение. С рассветом трава под ногами оказалась не зеленой, а блекло-серой. Сталагмиты-деревья на опушке леса в лучах яркой зари играли радужно, словно подсвеченные изнутри.

Как полагалось, они обошли вокруг «вибрика» следом за бе-

жавшим впереди роботом. Другой робот, верная нянька Устьянцева, замыкал шествие.

Поляна была пуста. Среди травы виднелось множество нор, высланных изнутри мягким войлоком, как видно, обиталищ аев, разогнанных пульсацией гравитационного поля. В одном месте робот, бежавший впереди, остановился и замер, приподняв антенны. Затем медленно, как-то бочком двинулся вперед. Перед ним был пяточок черной, словно бы выжженной травы. Брянов косил глаза к небольшому экранчику, вмонтированному в шлем, и увидел то, что видел робот: посередине черного пяточка была воронка, на дне которой виднелась нора. А возле норы два огромных черных жука, как шелкопряды, быстро пеленали неподвижного ая. Ая был жив, и, похоже, ему нравилась эта процедура: на детском личике с закрытыми глазами блуждала улыбка.

Увидев робота, жуки мигом затолкали кокон в нору и исчезли.

— Вот они, уххи, — сказал Устьянцев.

— Непохоже. — Боковым зрением продолжая следить за экранчиком, Брянов пошел к норе. — Непохоже, — повторил он. — Уххов они боятся, а тут... Видел его лицо?

— Так он спит...

— Или загипнотизирован.

— Скажи еще — заморожен...

— Что человек переживает перед самой смертью? Мертвый об этом не расскажет, а живой не знает. Одно ясно: умирая, человек не радуется. А тут...

— С чего ты взял, что кокон — это смерть?

— Действительно, — удивился Брянов. Теперь эта мысль, только что бывшая уверенностью, показалась ему нелепой. Чего это вдруг подумал? По аналогии? И почему умильное выражение личика ая должно означать именно удовольствие?..

«Все непонятное должно вызывать тревогу» — так гласит одна из основных заповедей космолетчика. Тревога торопит понять. Сейчас же Брянов не испытывал никакой тревоги. Он был переполнен только одним ощущением — радостным любопытством. Как в детстве, когда тревога еще не родилась в человеке, когда он полон только одним желанием — все потрогать, погладить, попробовать...

Нора была как нора, ничего особенного собой не представляла. Они подождали немного, пока робот возьмет пробы почвы, и пошли к лесу.

До опушки оставалось не больше трехсот метров, когда вдруг вспыхнули и засияли радужным разноцветьем верхушки этих удивительных деревьев. Брянов оглянулся, увидел над недалеким горизонтом малиново-красный гриб зари: вставало солнце. Когда он вновь посмотрел на лес, то заметил над вершинами далекие точки парящих птиц. По мере того как поднималось солнце, все больше освещая лес, все больше взлетало и птиц.

— Погляди-ка! — воскликнул Устьянцев. Он показывал на белесую стену леса, куда-то ниже освещенной полосы. И тут Брянов сам разглядел десятки аев, нахохлившимися совами сидевших на разлапистых ветвях.

Остановившись, они стали ждать. Робот, катившийся впереди,

потоптался на месте, пошевельнул антеннами и снова медленно двинулся вперед. Аи смотрели на него и не двигались с места, не шевелились. Брянов ждал, когда солнце осветит их, чтобы рассмотреть поближе. Но едва прямые лучи скользнули по веткам, на которых они сидели, как аи зашевелились и один за другим, словно подброшенные, начали взлетать вверх. Взмахивая широкими крыльями, они взмывали все выше, кувыркались в воздухе, радостно стрекотали, как кузнечики, чирикали, пищали, не обращая на людей никакого внимания.

И тут Брянов услышал тревожный зуммер: звездолет с орбиты искал командира виброгравитрона.

— Что случилось? — услышал он голос четвертого штурмана Томана, дежурившего на связи.

— Все в порядке.

— «Вибрик» исчез!

— Как это исчез? Вон он стоит.

— Ты видишь, а я не вижу.

— Сейчас выясню.

Он вызвал Нину, оставшуюся на «вибрике», но Нина не ответила. Это было странно, потому что в любом случае ее робот уж обязательно должен был отозваться.

Согласно инструкции в подобных случаях прекращались любые работы и все космолетчики немедленно возвращались к своим местам. Но ни Брянову, ни Устьянцеву случившееся почему-то не показалось тревожным. Переглядываясь, они неторопливо пошли к «вибрику», строя догадки о странном исчезновении связи.

Только оказавшись внутри виброгравитрона и закрыв люки, они ужаснулись своему спокойствию. Быстро осмотрели аппарат: все было на месте. Не было только Нины и ее робота. И птица тоже исчезла. Обе двери карантинной камеры были раскрыты, что категорически запрещалось.

Понадобилось несколько минут, чтобы роботы нырнули в свои люки и виброгравитрон, вобрав опоры, поднялся и завис в пятистах метрах от поляны. Сверху хорошо просматривалось все поле. Но Нины и ее робота нигде не было видно. И что особенно поражало: полностью отсутствовали обязательные для работающего робота излучения.

Брянов доложил на звездолет об исчезновении Нины и о странном отсутствии у него чувства беспокойства. Он просто не знал, что ему теперь делать. Садиться и обшаривать поляну казалось бессмысленным, возвращаться без Нины никак невозможным.

— Повиси, — сказал Томан. — Можешь повисеть?

— Сколько угодно. А толку?

— Мы пока анализируем показания ваших приборов. Жди.

В солнечных лучах поле выглядело неровным и пестрым. Много было черных проплешин с воронками в середине. И много было точно таких же по размерам, как эти проплешины, круглых пологих холмиков. В этом сочетании воронок и холмиков чувствовалась закономерность, но какая, этого Брянов не мог понять.

— Четыреста семнадцать воронок, — подсказал робот. —

И ровно столько же холмов. Распределяются равномерно, кроме одной пары, что у восточного края поля.

— Размеры? — спросил Брянов.

— Одинаковые. Кроме той же пары...

На экране связи со звездолетом появился Томан, сказал, что с Ниной ничего опасного, по-видимому, не случилось: стрессовых состояний не отмечено. Ее робот был переключен на внутренний контакт еще до того, как Нина вышла из «вибрика». Вышла она по собственной воле...

Ничего не объяснила Брянову эта информация. Если вышла по собственной воле, то почему оставила открытой карантинную камеру?.. Одно утешало: робот, охраняющий человека, в случае опасности, даже при малейших физиологических изменениях в организме немедленно включит все виды связи.

Значит, ждать? Ждать, когда опасность для Нины станет реальной? С этим Брянов не мог смириться.

— Я считаю, что мне нужно выбраться на нити, — сказал он Устьянцеву.

— Об этом следует запросить звездолет.

— А если откажут? Так и будем висеть и ждать?

Брянов понимал, что это самовольство. Но, даже понимая, он ничуть не тревожился за свое поведение. Само это должно было породить чувство опасности. Но благодущие окутывало каждую клеточку мозга. Чувства — верные помощники и стимуляторы разума — плавали в расслабляющей апатии, как законсервированные живые организмы в сладком питательном растворе.

— Давай сначала выкинем робота, — предложил Устьянцев. — А там видно будет.

Растопырив все свои конечности, как паук на паутинке, робот полетел вниз, быстро разматывая тончайшую, почти невидимую нить. Опустился в траву, потоптался на месте и покатился по спирали, все шире обегая поляну, заглядывая по пути во все воронки, приостанавливаясь на холмиках, смешно подпрыгивая на них, чтобы лучше прозондировать почву. Он подошел теперь на мальчишку, наконец-то вырвавшегося из-под опеки взрослых и торопившегося разузнать как можно больше, прежде чем его позовут. Все, что он видел своими четырьмя глазами, все, что ощупывал локаторами, датчиками, анализаторами, все отражалось на полиэкране «вибрика», на многочисленных приборах.

Брянов стоял перед полиэкраном, не сводя с него глаз. Устьянцев, внешне безучастный, сидел рядом. Оба молчали, анализировали собственные ощущения, чтобы потом на основании этого анализа взбодрить себя беспокойством. На приборах бегали импульсы, показывались стрелки, поблескивали указатели, и ничто не говорило о каких-либо отклонениях от норм. словно даже приборы заболели идиотизмом благодущия. Только в клеточках полиэкрана плыли, менялись изображения.

Над лесом парили аи, похожие на мотыльков, не обращая никакого внимания на бегающего по полю робота. Но вот робот приблизился к лесу, и аи один за другим стали слетаться к опушке. Робот отступил, и птицы отлетели как по команде, сразу потеряв к нему интерес. Это было первое открытие —

невидимая черта, за которой начиналось пространство аев. Робот зигзагами помчался вдоль опушки, проверяя, везде ли существует эта черта, и на одном из экранчиков, изображающем все поле, прочерчивалась почти ровная светлая полоса. Следующее открытие сделал сам Брянов, заметив, что за этой полосой нет ни одной воронки, ни одного холмика. Все это могло означать только то, что на поле существует разграничение: лес и подступы к нему — пространство аев, поле — территория черных жуков.

Брянов привык с уважением относиться ко всякой информации, считая, что ненужной просто не существует. Но сейчас ему нужна была не всякая, а та, что помогала бы искать Нину.

— Иди к лесу, — подтолкнул он робота. — Попробуй поговорить с аями.

Птицы-мотыльки кинулись к опушке, как только робот пересек «запретную черту». Некоторые срывались с веток, планировали вниз, едва не касаясь крыльями высоких антенн.

— Мы пришли из другого мира, — прочирикал робот. — У нас хорошие намерения, и мы не причиним вам зла...

— Уххи, уххи, — заушали аи, отлетая прочь. — Уххи тоже говорят, что не хотят нам зла!..

Брянов и Устьянцев переглянулись. Даже в монотонном переводе робота чувствовался ужас аев по отношению к ухам.

— Мы не уххи, — спокойно просвистел робот, — вы же видите, что мы не уххи.

— Никто не видел уххов, — послышалось в ответ. — Увидевшие уххов умирают. Без страха смерти их могут видеть только наши слуги — ззумы.

— Все вы живы, хотя видите меня. — Робот тотчас ухватился за подсказанную мысль. — Значит, мы не уххи.

Эта простая логика, как видно, озадачила аев. Они заматались над опушкой, оглушили беспорядочным свистом. Наконец один из них подлетел и безбоязненно сел на ствол излучателя робота.

— Если вы не уххи, то почему вас не трогают ззумы? Они никого не пускают на это поле.

— Но они пускают вас.

— Только ночью. Таков закон. Ночью мы спим в норах, приготовленных ззумами, и они нас охраняют от диких обитателей леса, которые охотятся по ночам. Уххи приходят на рассвете и уносят в свои пещеры всех умерших, всех, кто не улетает...

— Все это очень интересно, — запел робот, удивив космолетчиков такой не свойственной машине дипломатией. — В другой раз я с удовольствием побеседую с вами на эту тему. А сейчас мне хотелось бы встретиться с вашими старейшинами.

Аи не поняли, зачирикали, запересвистывались.

— Кто такие старейшины?

— Есть же у вас главный, первый, кого бы вы слушались.

— Мы слушаем всех.

— Не слушаете, а слушаетесь. Чье слово было бы для вас законом.

— Закон один — жить, петь, любить, ночью спать в мягких норках, а утром успеть улететь в лес.

— «Жить, петь, любить!» — передразнил робот. — И никаких обязанностей?

— Что такое обязанности?

— То, что вы обязательно должны делать.

— Мы обязательно должны приносить ззумах сладкие плоды с вершин деревьев. Надо же кормить своих слуг. Кто больше приносит, у того мягче постель...

— Все ясно, — сказал Брянов. — Вырождающийся разум.

— Почему именно вырождающийся? — спросил Устьянцев.

— Без обязанностей разум деградирует. Этот симбиоз аи — ззумы, который им кажется всеобщим счастьем, начало конца. Разум вырождается в инстинкт...

— Как дела? — запросили со звездолета. Теперь на экране было лицо главного психолога Большакова.

— Робот Нины по-прежнему молчит? — в свою очередь, спросил Брянов.

— Молчит.

— Значит, непосредственной опасности пока нет.

— А если робот как-нибудь нейтрализован?

— Он бы успел подать сигнал бедствия. В любом случае успел бы.

— Вы что же, висите и ждете?

— Ведем переговоры с птицами.

— Ну и как? — В голосе Большакова была ирония.

— Узнаем, сообщим, — ответил Брянов и демонстративно отвернулся от экрана связи со звездолетом.

Робот между тем расспрашивал о ззумах. Это были те самые четырехлапые черные жуки, которых космолетчики случайно увидели утром. Жуки пеленают умерших аев в коконы, а потом за этими коконами приползают уххи. На вопрос, почему ззумы выполняют эту работу, последовал ответ, что они боятся уххов и служат им.

А время шло. Солнце поднималось все выше, нагревая воздух над поляной. Переговариваясь, робот медленно переполз в тень леса, что, впрочем, не вызвало беспокойства аев. Похоже было, что они вообще ничего не опасались, рассказывали о себе, о ззумах с подкупающей откровенностью. И ничего сами не спрашивали. Тогда робот задал прямой вопрос: не видели ли они, куда делся вышедший из аппарата человек? Спрашивал он это долго, объясняя и так и этак, стараясь, чтобы его правильно поняли.

Слушая эти монотонные пересвисты, Брянов оглядывал полиэкран. Все на нем было без изменений: сверкающая в солнечных лучах жесткая гребенка леса, порхающие птицы-мотыльки, поле, поросшее жесткой травой, испещренное воронками, взбугренное. И в то же время ему показалось, будто что-то изменилось на этом поле. Брянов еще и еще раз obeжал глазами экранные клеточки и вдруг заметил, что один из холмиков вроде бы вырос в размерах, и трава на нем шевелилась, словно под ветром.

Вдруг этот холм раскололся, и из него вертикально вверх полоснуло слишком хорошо знакомое космолетчикам оранжевое пламя плазменного излучения. И вслед за этим сразу же, без паузы, зачастил сигнал бедствия.

Робот, разговаривавший с аями, бросился к вспучившемуся холму. Аи шархнулись в другую сторону, в лес, расселись на ветках рядками, как зрители в театре, заинтересованно следили за происходящим. Похоже, их вовсе не пугало пламя, и страшились они только одного — пересекать невидимую черту, обозначенную линией воронок и холмов.

Пламя опадало медленно. Но еще до того, как оно опало, из холма поднялось что-то бесформенное и пошло к центру поля. С него ошметками опадала черная дернина. Скоро в нем можно было узнать робота. Белая паутина космами свалывшегося войлока опутывала его, свисала с излучателей и антенн, волочилась следом. На вытянутых манипуляторах он нес большой белый кокон. Второй робот, мгновенно вывалившийся из «вибрика», подбежал к нему, ловко перехватил кокон, и они один за другим еще быстрее покатались к тому месту, где в нескольких метрах от поверхности помигивал желтый импульс, обозначавший конец нити.

«Вибрик» осел немного, когда оба робота повисли на нити, качнулся и медленно пошел вверх, втягивая в себя тяжелую ношу.

— Хочешь увести аппарат? — спросил Устьянцев, когда они поднялись уже на добрый километр.

— Потом вернемся, — ответил Брянов.

— Я бы не спешил. Выясним, что с Ниной...

— Спит Нина, спит в коконе. — Он кивнул на ее персональный пульт, где теперь светились все приборы, обозначая дыхание, температуру, давление крови.

— Слишком беспокойно спит. Кошмары. — Устьянцев, в свою очередь, кивнул на небольшой светившийся малиново прибор — психометр. — И понаблюдать надо бы за полем. Другого такого случая может не представиться.

Брянов поморщился и перевел аппарат в режим равновесия.

Через четверть часа в карантинной камере они разрезали упругую паутину кокона. Нина проснулась, и сразу резко подскочили все параметры ее организма: участилось дыхание, даже повысилась температура тела.

— Какой ужас! — воскликнула Нина. — Они их едят!

— Кто? — спросил Брянов, удивляясь тому, что легкий скафандр Нины был совершенно цел и что облепленные паутиной слизью тонкие антенны переговорных устройств работали исправно.

Роботы хлопотали над анализами паутиной ткани, слизи, воздуха в камере, а Брянов тщетно пытался оттереть прозрачный пластик шлема, чтобы увидеть наконец лицо Нины.

— Кто кого ест? — переспросил он.

— Зумы... аев, — с отвращением выдохнула Нина.

— Уххи?..

— Нет никаких уххов, совсем нет. Это выдумка.

— Чья? — усмехнулся Брянов. Он не испытывал никакой тревоги, а необычные названия — аи, зумы, уххи — его просто забавляли.

— Да этих же... людоедов.

— Людоедов?

— Как их еще назвать?!

— Все правильно, — сказал Бряннов. — Обычный симбиоз. Одни организмы что-то дают другим и что-то берут от них.

— Это не симбиоз! — выкрикнула Нина. — Это обман!

— Успокойся. — Бряннов погладил ее по плечу. — Все изучим, во всем разберемся.

— Нет, тут надо вмешаться.

— Вмешаться? Во что?

— В их... взаимоотношения.

— Так сразу и вмешаться...

Он наконец очистил шлем и увидел глаза Нины — большие, почти безумные. И впервые забеспокоился, но как-то странно — тяжело, мучительно, словно сквозь сон.

— Почему ты ушла из «вибрика», оставив все открытым? — спросил он. — Куда ты шла?.. Можешь объяснить?..

— Могу, — нехотя отозвалась Нина и надолго замолчала.

Бряннов терпеливо ждал. Постукивали роботы, торопясь выполнить многочисленные свои дела. Часто пульсирующе гудел «вибрик», нейтрализуя гравитацию.

— Могу, — повторила она. — Эта... похожая на Сонечку... просила отнести ее в лес... Она так плакала...

— Ну и что?!

Бряннов хотел сказать, что это не объяснение, что его интересуют не внешние причины, а мотивы противоестественных для космолетчика поступков.

— А ты бы не пожалел? — опередила его Нина. — Ты бы не пожалел, когда плачет и говорит, что если останется на поле днем, то ее заберут уххи? Разве мы совсем растеряли доброту — основную человеческую добродетель? Разве не доброжелательство — первая заповедь космолетчика?..

— Но нельзя при этом нарушать порядок, рисковать...

— Я ничем не рисковала.

— Рисковала. И не только собой.

— Но ведь все обошлось...

— Это еще неизвестно. Мы недостаточно знаем планету. «Вибрику» теперь предстоит карантин.

— Ты боишься одиночества? — игриво спросила она. — Даже со мной?..

— Мы не каждый по себе, — перебил он ее. — Мы единый организм, и никто из нас не вправе без общего согласия рисковать даже самим собой.

— Если будем согласовывать каждое свое желание, мы обречем население звездолета на вымирание.

— Не преувеличивай, — сказал Бряннов. — Благодушие, как видно, главная зараза этой планеты. Это оно в тебе говорит.

— Почему же не говорит в тебе? Ты ведь тоже выходил из «вибрика»?

— Было это и у меня. Теперь поослабло. Теперь я начинаю понимать: на планете в нас парализуется чувство опасности. К счастью, это, как видно, проходит...

— Жаль, — выдохнула она. — Вся наша жизнь — поиски радости. К этому сводятся даже дальние экспедиции. Радость улететь дальше, чем другие, радость открыть новые миры...

— Есть еще долг.

— И в основе чувства долга тоже лежит радость, только не

индивидуальная, а коллективная. Нечто вроде общественного инстинкта.

— Пусть так, — сердито сказал он. — У нас еще будет время для дискуссий. А сейчас ответь на конкретный вопрос: как случилось, что ты оказалась в коконе?

— Я несла «Сонечку», — посерьезнев, начала она. — Не Сонечку, конечно, а эту... птицу. И упала в яму. А тут жуки. Такие смешные жучки... Бегают, зудят. И от этого зудения так радостно на душе. Сонечка, то есть птица, закрыла глаза и сложила крылья. Я подкинула ее, и она улетела. А сама легла на траву...

— Зачем?

— Мне было так хорошо, так радостно за птицу, за себя, за всех нас, отыскавших наконец легендарную планету радости.

— А потом?

— Потом я заснула. Проснулась уже здесь... Мне было так радостно...

— Радостно? Но тебе снились кошмары.

Ее лицо вдруг, словно она только что вспомнила об этом, исказилось гримасой ужаса.

— Да, да, — быстро заговорила Нина. — Они их, оказывается, едят. У живых высасывают кровь. Они и меня собирались съесть.

— Кто?

— Ззумы. Я говорила.

— М-да. Вот тебе и «смешные жучки».

Он начинал понимать, что к чему.

— Едят сами, а сваливают на несуществующих уххов?

— Ну да!..

— И аи думают, что так и надо. Они считают себя хозяевами, а ззумов добровольными слугами. На самом же деле хозяева — жуки, для которых аи нечто вроде скота. Они их пасут, готовят им стойла для ночлега, якобы для защиты от возможных ураганов, от ночных хищников, а на самом деле для того, чтобы иметь возможность выборочно поедать. И, надо полагать, они выбирают вовсе не больных, а именно здоровых, даже детей. И, похоже, не мы придавили детеныша этой птицы, поскольку гнездо под опорой было уже пустое...

Нина смотрела на него большими испуганными глазами. Зараза безотчетной радости, как видно, выветривалась; Нина беспокойно шарилла руками по гладкому столу, пытаясь встать. Наконец это ей удалось, она приподнялась и вдруг испуганно вскрикнула. Брянов проследил за ее остановившимся взглядом и сам вздрогнул от неожиданности: в иллюминатор заглядывало круглое пухленькое лицо ребенка.

— Она... прилетела! — придушенно вскрикнула Нина. И вдруг, легко спрыгнув со стола, кинулась к верхнему люку.

Смешно цепляясь лапками-ручонками за скобы, через лск в карантинную камеру вползли три белых существа, три птицы. Нина брала их одну за другой, ставила на стол. Они ничем не отличались друг от друга, но Нина каким-то образом узнала ту, которую называла «Сонечкой», удержала на руках, покачала.

— Это мои друзья, — прочирикала «Сонечка». — Они просили, чтобы я привела их к вам.

— Милости просим, — игриво поклонился Устьянцев.

— Погоди! — Брянов бесцеремонно отодвинул его и шагнул к столу. — Это, похоже, не просто визит вежливости.

«Сонечка» испуганно отступила, а ее друзья (или подруги — как их было разобрать?) остались недвижимы. Они были чуть выше ростом, и крылья у них были темнее, жестче.

— Ваша птица, — говоривший обвел круглыми глазками переборки, приборы, иллюминаторы «вибрика», — эта ваша птица пугает аев.

— Мы скоро улетим, — сказал Брянов. — Мы не будем вас беспокоить.

— Нет, нет! — торопливо зачирикали аи. — Не улетайте.

— Но ведь мы вас пугаем.

— Вот и хорошо. Это и надо.

— Я не понимаю, — ласково сказал Брянов. — Согласитесь, мы должны знать, что делаем.

— Надо пугать аев.

— Но зачем?

— Чтобы не ночевали в норах ззумов.

— Да, да, — вмешалась Нина. — Ззумы их обманывают.

Робот перевел слова Нины, и аи беспokoйно зашевелились.

— Обманывают, обманывают, — зачирикали они.

— Но похоже, что в норах удобнее, — сказал Брянов. — Если, скажем, буря, в лесу разве спасешься?

— Удобнее, удобнее. Ничего не надо строить, ни о чем беспокоиться. Жизнь без забот. Но мы, аи, живущие в лесу, понимаем: жизнь без забот — гибель для аев. Когда-то аи жили дружными колониями, умели трудиться. Потом появились ззумы, и аи стали жить разобщенно, разучились трудиться. Порхать, любить, спать в мягких постелях — вот все, что теперь умеют аи. Только немногие понимают, что это путь к вырождению. Те, кто ночует в лесу. Им трудней, чем тем, кто ночует в норах ззумов. Но у них есть и преимущество: тех, кто ночует в лесу, не поедают уххи...

— Нет никаких уххов, вас обманывают! — снова вмешалась Нина.

— Мы об этом догадываемся. Но как узнать?

— Я знаю. Я сама была в коконе.

В глазах аев промелькнул ужас: еще не было случая, чтобы кто-то побывал в коконе и остался живым.

— Я была там, — повторила Нина. — Слышала разговоры о глупых аях, которым только бы спать помягче и которых так легко обманывать. Уххов не существует. Ззумы сами пьют кровь аев, живых, выбирая для этого вовсе не молодых и старых, а молодых и здоровых. Особенно совсем крохотных, каким было дитя...

Она осеклась. Робот тут же воспользовался паузой, быстро зачирикал, переводя ее слова. «Сонечка» плакала. Во всяком случае, ее сморщенное личико говорило о глубокой печали. Два других ая стояли окаменело, ошарашенные услышанным.

— Пугайте, пугайте, не давайте нам спать в норах, — тихо засвистел один из аев. И умолк, испуганно уставившись на ил-

люминатор. За иллюминатором далеко внизу серебристо отсвечивало поле, и оттуда, с самой его середины, поднимался черный смерч.

Брянов подошел к пульта, поймал смерч на большой экран, приблизил изображение, и все увидели, что это жуки. Часто трепеща маленькими жесткими крылышками, они единой массой приближались к «вибрику».

— Интересно бы узнать, что они хотят, — сказал Устьянцев.

— Не будем рисковать.

Брянов взялся за белую рукоятку на пульте, и «вибрик» быстро пошел вверх. Смерч сразу распался черным дождем.

— Интересно, что они могут? Неужели бы напали?

— У них крепкие челюсти, могут перегрызть антенны, — сказал робот, не перестававший пересвистываться с аями.

— Думаю, что у них другое оружие, — сказал Брянов. — Добравшись до «вибрика» такой массой, они постарались бы лишить нас воли, превратить в добродушных идиотов.

— Да-а, вторая высадка будет не простой. На планете мы уже обрели врагов.

— И друзей.

— Одним словом, начало положено, — усмехнулся Устьянцев.

— Никакое начало не бывает простым...

Брянов посмотрел на неподвижных аев и подумал, что врагов много и они сплочены, а друзей — только вот эти трое, которым еще надо как-то добраться до своего леса.

— А вас ззумы не перехватят? — с беспокойством спросил он.

— Ззумы летают плохо.

— Мы выпустим вас над лесом...

— Не улетайте! — почти хором засвистели, зачирикали они. — Аи не должны спать в норах. Вашего аппарата они испугаются, улетят в лес. А потом многие поймут, что можно и нужно обходиться без ззумов. Не улетайте!..

— Правила не разрешают... — начал Брянов.

— Мало ли что не разрешают! — взорвалась Нина. — Да мы и не будем вмешиваться. Мы будем только летать... Все равно у нас карантин...

Она ссадила со стола аев, которым в тесном «вибрике» негде было распахнуть крылья, не спрашивая Брянова, открыла перед ними люк шлюзовой камеры.

Брянов не возражал. Он смотрел через иллюминаторы, как один за другим аи вываливались из «вибрика» и камнем падали вниз. В туманной глубине они раскинули крылья и крутыми спиральями заскользили к лесу. Ему вдруг подумалось о странной безбоязни этих трех аборигенов. Ведь они признавали, что виброгравитация пугает их. Почему же не испугались, а, перебив страх и возможную боль, прилетели на «вибрик»? Почему? И ему уже не казалось вмешательством в дела чужой планеты то небольшое, что он собирался сделать, — летать и летать над полем, не давать спать этим добрым птицам.